

БЫЛ НЕ ПОХОЖ НИ НА КОГО

24 октября исполнилось бы сто лет знаменитому чтецу Дмитрию Николаевичу Журавлеву. 22 октября в Доме актера пройдет посвященный ему вечер. Накануне юбилея мы встретились с дочерью артиста, Натальей Дмитриевной Журавлевой, актрисой театра Табакова. Она рассказала нам о своем отце.

МИТЬКА-ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

В крестьянской семье Журавлевых будущего артиста называли Митька-электричество. Митина мать Матрена Федоровна постаралась дать образование всем своим шестерым сыновьям. Один учился в Мюнхене и стал крупным мастером по хлебопечению, другой балзамировал Ленина вместе с Воробьевым, третий был физиологом, учеником Павлова. А Митя закончил несколько классов Чугуевской гимназии.

Дом был очень интеллигентный, с большой библиотекой; здесь много читали вслух, устраивали домашние спектакли. Митя и сам читал запоем и оказался очень впечатлительным — отсюда и прозвище пошло.

Зная его страсть к искусству, братья отправили его в Харьков, где был хороший драматический театр. Первые впечатления совершенно оглушили Митю. После «Трех сестер» он шел домой, рыдая.

Поехал в Москву «поступать на артиста». Но мальчик-то ж с Украины. Акцент жуткий: «Сольвейх, ты прибэжяла на лижях ко мне». И его никуда не взяли. Как сумасшедший, он занимался, чтобы избавиться от акцента, и в 1924 году поступил в школу Третьей студии Художественного театра. Как ему удалось полностью изжить акцент — это загадка. Но факт: речь Дмитрия Журавлева стала эталоном хорошего русского языка.

УБЕРИТЕ СУМАСШЕДШЕГО С ЭСТРАДЫ!

Журавлев начал читать еще в театре Вахтангова. И всех, кого удавалось поймать, он прижимал к стенке и заставлял слушать. Однажды выскочил на сцену в каком-то сборном концерте и начал шпарить всего «Медного всадника». Елизавета Георгиевна Алексеева говорила: «Ну что ж так долго? Так нельзя! Уберите этого сумасшедшего с эстрады!».

В те годы чтецкое искусство было очень популярно. Звездой был, конечно, Владимир Яхонтов. Журавлев первый раз услышал его в 1922 году в Политехническом музее на вечере памяти Блока. Кто-то читал поэму «Двенадцать», и вдруг из публики выбежал человек в черной толстовке и закричал: «Сейчас Я прочту эту поэму так, как ее надо читать!». Одни стали орать «браво!», другие «безобразие!» Это и был Яхонтов.

Но Дмитрий Журавлев выбрал линию Александра Закушняка. Тот рассказывал очень непосредственно, общаясь с публикой. Жест минимально использовался. Никаких мизансцен «сели в кресло, встали, пошли». Только слово, только воображение.

ЗЛАТОГЛАЗАЯ

Очень важный этап в жизни Дмитрия Николаевича — приход в театр Елизаветы Яковлевны Эфрон, старшей сестры Сергея Яковлевича Эфрона, то есть золовки Марины Цве-

таевой. Она была ученицей Станиславского и Вахтангова, а потом ушла в студию Завадского. Женщина необыкновенной красоты, похожая на Элеонору Дузе: густые волосы, золотые с искрами глаза, светящееся лицо. Тяжкая болезнь сердца не позволила ей стать актрисой. И Елизавета Яковлевна стала режиссером всех журавлевских программ.

«Я, НАВЕРНОЕ, УТОМИЛ ВАС?»

Журавлев не любил читать отрывки, но «Войну и мир» он не мог не читать. Виктору Борисовичу Шкловскому сначала очень не нравилось, что читаются какие-то куски. Но когда во время войны он услышал «Смерть Пети Ростова», он рыдал. И после концерта сказал: «Надо чаще это читать». Шкловский сам потерял сына.

В «Записках охотника» Тургенева Дмитрий Николаевич достигал такой степени достоверности, что вводил слушателей в заблуждение. «Ермолай и мельничиха» начинается фразой: «Но, может быть, не все знают, что такое тяга?» И на худсовете филармонии ему отвечают: «Ну Димочка, откуда мы можем это знать?!» Или в «Кармен» Хосе говорит: «Я, наверное, утомил вас?» И тут из зала: «Что вы, Дмитрий Николаевич!».

БЛАГОДАРНОСТЬ ОТ ЦВЕТАЕВОЙ

Журавлевы очень страдали от советской идеологии и старались не пускать ее к себе. Отгораживались чистотой, предательством, помощью друзьям. Дмитрий Николаевич спас одного сосланного актера. Когда ему пришлось письмо, что человек погибает, побежал к Михоэлсу, и они вместе написали ходатайство Берии, хотя понимали, чем это пахнет. Но все-таки того актера перевели в другой лагерь, и он выжил.

Дома всегда стояла фотография Цветаевой с надписью «Дмитрию Николаевичу Журавлеву — с благодарностью». За что? Марина Ивановна ничего не делала просто так. Оказалось, когда она жила на даче в Болшеве практически под домашним арестом, Дмитрий Журавлев навещал ее, читал ей — а ведь каждый ее гость тут же брался на карандаш.

ПУШКИН ВЫГЛЯНУЛ ИЗ-ПОД СТОЛА

Круг друзей Дмитрия Николаевича — сплошь великие имена: Рихтер, Нежданова, Уланова, Козловский, Лемешев, Ахматова, Цветаева, Эренбург, Нестеров, Кузнецов, Фальк...

После посещений студии Фалька он говорил: «Посмотри! Посмотри, как все вокруг красиво! У нас промыты глаза».

Однажды у Нейгаузов он ничтоже сумняшися начал читать «Египетские ночи». А когда закончил, Пастернак сказал Генриху Нейгаузу: «Гарри, а тебе не показалось, что из-под стола выглядывал Пушкин?»

Записала
Марина ШИМАДИНА

Дмитрий Николаевич и Валентина Павловна — 56 лет счастливой семейной жизни.